

ТЕМА НОМЕРА:
**«ДИНАМИКА СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ»**

УДК 321.02

ВЛИЯНИЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА ДИНАМИКУ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Лаврикова Анастасия Александровна,

канд. полит. наук, доцент,

Тульский государственный университет, Тула, Россия

elav@mail.ru

Аннотация. В представленной статье доказывается, что анализ влияния посткоммунистических трансформаций на динамику политического участия следует проводить по трем уровням: во-первых, определить общие черты структуры политических возможностей, сложившиеся во всех посткоммунистических социумах; во-вторых, выделить особенности, присущие только государствам бывшего СССР; в-третьих, рассмотреть национальный контекст проблемы. Основными факторами, определяющими коридор возможностей развития политического участия, выступают: наследие прошлого, которое на начальном этапе определяет стимулы и ограничения действий акторов и совокупность ресурсов, используемых для политической мобилизации; структура элит и степень их ориентации на европейский стиль поведения; эффекты институтов, в том числе сила президентской власти и уровень партизации политического процесса; неопределенность как результатов действий акторов, так и состояния окружающей среды, изменение которых ведет к конъюнктурным инверсиям. Дальнейшее исследование структуры политических возможностей и социокультурного контекста, сложившихся в отдельных государствах на посткоммунистическом пространстве, позволит объяснить доминирующие типы политической деятельности граждан в условиях конкретного социума.

Ключевые слова: политическое участие; социально-политические трансформации; посткоммунистическое пространство; арены политического участия; структура политических возможностей; социокультурный контекст.

THE INFLUENCE OF POST-COMMUNIST TRANSFORMATION ON THE DYNAMICS OF POLITICAL PARTICIPATION

Lavrikova A.A.,

PhD in Political Sciences, Docent, associate professor at the departments of Sociology and Political Science in Institute of Humanities and Social Sciences of Tula State University, Tula, Russia

elav@mail.ru

Abstract. In the article it is proved that the research of the influence of the post-communist transformations on the dynamics of the political participation should be conducted on three levels. To carry it out it's necessary: 1) to consider the general characteristics of the political systems in all pos-communist societies; 2) to single out the peculiarities typical only to countries of the former USSR, 3) to consider the national context of the problem.

The main factors which determine the tendencies of the development of the political participation are as follows: political traditions, the structure of the elite and its orientation on the "European style" of behavior, the character of functioning of the political institutions, riskogenics of the decisions taken.

The further research of the specificity of the structures of political possibilities and socio-cultural context typical for some countries in the post-communist world will enable the researchers to explain the dominating types of citizens' political participation under the conditions of the concrete society.

Keywords: *political participation; socio-political transformation; post-communist world; arenas of political participation; structure of political possibilities; socio-cultural context.*

Анализ проблемы политического участия в контексте основных исследовательских традиций показал, что следует не ограничивать изучение данного явления рамками теорий демократии, делая акцент на масштабах вовлеченности рядовых граждан в политический процесс, и значение, которое имеет для демократии преобладание тех или иных ее форм, а рассматривать более широко — через призму социально-политических трансформаций, когда количество проблемных зон, в том числе связанных с вовлечением граждан в политическое пространство, значительно увеличивается. Основные тенденции развития политического участия в государствах на посткоммунистическом пространстве определяются многообразными политическими процессами, ведущими к качественным изменениям политических режимов, акторов и институтов, формальных и неформальных ценностей и норм, регулирующих отношения между ними. Обстоятельный анализ особенностей посткоммунистических трансформаций дают в своих работах Е. В. Бродовская, Г. И. Вайнштейн, В. Я. Гельман, Т. Л. Карл, П. А. Королёв, Ф. Шмиттер и др. Проанализировав труды отечественных и зарубежных ученых, они пришли к ряду выводов, позволяющих определить совокупность параметров, задающих рамки политического участия.

Одна из групп особенностей посткоммунистического развития, на которую обращают внимание исследователи, заключается в сочетании ряда линий трансформаций (двойной, тройной и т.д. переход), затрагивающих политику, экономику и общественную жизнь, большей дифференцированности моделей и смешанном типе происходящих изменений. Однако следует отметить, что, несмотря на более сложный и многогранный процесс транзита демократии

в странах Восточной Европы и бывшего СССР, заметно отличающийся от стартовых условий демократизации в Латинской Америке и Южной Европе, сам по себе учет этой особенности не дает ответа на вопрос о принципиальных характеристиках феномена политического участия.

Более значимой, с точки зрения нашего исследования, чертой посткоммунистических трансформаций является противоречивая роль государства в данном процессе. С одной стороны, как отмечает В. Я. Гельман [1], становится весьма распространенным «описание России и других постсоветских стран как „слабых государств“, в которых, во-первых, существенно ограничены возможности по применению силовых методов принуждения со стороны государства (т.е. монополия государства на легитимное насилие подорвана конкуренцией со стороны других акторов), и, во-вторых, отсутствует верховенство права (что проявляется в доминировании неформальных институтов, основанных на партикуляристских нормах и правилах, над формальными, выступающими в лучшем случае фасадом неформальных или не имеющими значения). И если восстановить монополию на насилие со стороны государства в ряде случаев удастся, вторая проблема в большинстве случаев сохраняется. С другой стороны, в новых обществах практически во всех странах Центральной и Восточной Европы стали проявляться признаки социалистического прошлого, что выражается в монополизации публичной сферы государством и определения им своих норм и практик дисциплинирования публичного пространства посредством политической мобилизации граждан, конституционного патриотизма, проведения политики идентичности на основе этнонационализма с желанием стать акторами глобальных процессов (что вызвало рост в ряде случаев национализма и консерватизма), а также развитие сообществ (сетей)

как инструмента государственного управления и др. [2].

Кроме того, важной характеристикой выступает относительно малая роль массовых групп при сохранении значимости прежней номенклатуры. Согласно позиции ряда исследователей, негласный корпоративный договор между конфликтующими сторонами обеспечивал соответствующий вектор преобразований (сверху — вниз) и определенную константность статуса властных номенклатур. С одной стороны, подобные позиции старой номенклатуры ограничивали возможность резкого отката назад, с другой — реализация принципа «собственность в обмен на поддержку или непротиводействие» способствовала развитию олигархических и/или сепаратистских тенденций [3]. При этом даже выборы как основной канал политического участия, как правило, не выполняли своей функции. Фактически произошла подмена политического участия обменом ресурсами, а явления, внешне напоминающие гражданственность, в постсоветском контексте приобрели иное значение. Достаточно типичной стала поддержка властными структурами различного уровня тех организаций «третьего сектора», которые демонстрируют политическую лояльность, а само пространство гражданского общества постепенно бюрократизируется, превращаясь из сферы самоорганизации различных групп общественности и поле деятельности профес-сионалов.

Еще одна особенность посткоммунистических трансформаций проявилась в так называемом дефиците демократических акторов (Г. О'Доннелл). Как отмечает Г. И. Вайнштейн, «характеристики „культурной среды“, в которую „имплантируется“ демократическая система, не имеют критически важного значения на стадии крушения авторитарных режимов и перехода к демократии (хотя и определяют многие особенности этого этапа)», но их влияние «с позиций перспектив демократизации, выживания новых демократических режимов, их способности утвердиться и обрести устойчивость» становится определяющим [4]. При этом если на этапе перехода ключевым является качество ценностной системы элитобразующих групп, то по мере утверждения нового типа политических отношений уровень усвоения представителями массовых групп

ценностей, норм, процедур, соответствующих целям инновационного процесса, приобретает особую важность. Однако ряд исследователей указывает, что достаточно типичной для стран постсоветского пространства, переживающих социально-политические трансформации, является ситуация, характеризующаяся как слабостью элиты в роли субъекта модернизации, так и незначительным объемом социального капитала в обществе (имеются в виду слабая самоорганизация общества, преимущественно телеологическое, а не инструментальное понимание демократии и недостаточно высокий индекс социального доверия).

Несоответствие институциональных и социокультурных параметров посткоммунистических трансформаций объясняется исследователями имитационным или заимствованным характером преобразований [5, 6]. Игнорирование природы социальной структуры, существующих культурных образцов и традиций в условиях посткоммунистических трансформаций привело к возникновению различных институциональных патологий (так называемых институциональных дисфункций, искажений, ловушек, разрывов и т.д.) [7–9]. Их влияние на формирующуюся модель политического участия, с одной стороны, является косвенным и связано с дезорганизацией и ухудшением качества функционирования всей политической системы (и отдельных ее элементов) и падением уровня доверия к социально-политическим институтам. С другой — прямым включением в механизм политической деятельности отдельных граждан и объединений различных институциональных образований (государственные структуры, институт выборов, политические партии и движения, СМИ и т.д.), которые, подверженные деформации, могут оказывать деструктивное влияние на характер политического вовлечения, радикализируя как конвенциональные, так и неконвенциональные его формы и способствуя резкому увеличению индифферентно-апатичного и дезадаптивно-агрессивного сегментов социума за счет стабилизирующего и конъюнктурно-приспособительного.

Рассмотренные особенности посткоммунистических трансформаций находят отражение и в конфигурации арен политического участия. Согласно материалам сравнительного анализа состояния и динамики базовых арен полити-

ческого участия (выборы, петиции, мирные демонстрации) в странах Европы, проведенного рабочей группой Института социологии РАН под руководством С. В. Патрушева, а также данным других компаративных исследований, доминирующей по абсолютным показателям везде является электоральная арена, в то время как уровень участия в демонстрациях и петициях имеет существенные различия. В одних случаях (преимущественно страны Западной Европы) выборы сопровождаются активным вовлечением в другие формы участия, в других [страны Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦВЮВЕ)] — наблюдается явная асимметрия между ними. Россия стабильно пребывает во второй группе и в первом приближении разделяет общие паттерны, типичные для стран ЦВЮВЕ. При этом, несмотря на реформирование избирательного права в направлении создания больших возможностей для электорального участия (упрощение процедуры регистрации избирателей, голосование на протяжении двух дней и т. д. [10]) на посткоммунистическом пространстве, одной из типичных тенденций последних двух десятилетий становится снижение явки на выборы. Это можно отнести к общемировым трендам, так как аналогичные характеристики наблюдаются в западноевропейских странах (даже в тех, где голосование является обязательным). Однако если в Западной Европе показатели активности на других аренах (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях и т. д.) в 1990–2000-е гг. значительно выросли, то в ЦВЮВЕ наблюдается противоположный процесс (в России указанные показатели остаются практически неизменными, что отличает ее как от западноевропейских, так и от восточноевропейских стран [11]).

Нисходящий тренд оптимисты интерпретировали как возврат к «нормальному» состоянию после «революционной» деятельности конца 1980-х — начала 1990-х гг. или как право «безнаказанно не участвовать в политике» [12]. Пессимисты, напротив, диагностировали эрозию демократии и гражданского общества, всеобщее разочарование в экономических и политических реформах [13]. Существует и третья точка зрения на рассматриваемую проблему, согласно которой соотношение конфигурации различных арен участия может указывать на характер установившегося порядка и особенности поли-

тических практик, имеющих место в том или ином обществе. Как утверждал С. Хантингтон, в традиционных обществах фиксируется меньший масштаб политического участия, поэтому для поддержания устойчивости порядка не требуются сильные институты; спрос на участие возникает в процессе модернизации, и для того чтобы успешно канализировать растущий поток участвующих, необходимы более прочные институты [14]. Таким образом, низкие показатели участия необязательно являются сигналом деструктивных процессов, протекающих в той или иной политике, а могут свидетельствовать о сохранении традиционалистских моделей поведения. Так, в Польше, для которой характерны одни из самых низких показателей участия, политические институты отличаются относительной устойчивостью и жизнеспособностью, что указывает либо на меньшую востребованность рассматриваемых арен участия (подписание петиций, участие в мирных демонстрациях) по сравнению с какими-либо иными, либо слабую дифференциацию политической активности от иных сфер социального порядка.

В целом в странах ЦВЮВЕ установились относительно стабильные конфигурации арен политического участия, что свидетельствует об их институционализации. Самые неустойчивые конфигурации наблюдаются в случае России, Украины и Словакии. В первую очередь это говорит о несистематичности, неравномерности использования таких арен, как демонстрации и петиции, и является свидетельством их недостаточной институционализации (при этом показатели явки на выборы также довольно сильно колебались в Украине и Словакии, а в России, как уже было сказано, эти показатели остаются стабильными). Для стран ЦВЮВЕ и тем более для России не характерна свойственная Западной Европе модель «сообщающихся сосудов», когда снижение явки на выборы компенсируется ростом участия в демонстрациях и петициях. Возможно, в Западной Европе это свидетельствует о растущем спросе на новые формы демократии. Здесь привычные арены петиций и демонстраций стали использоваться для расширения поля демократии/трансформации порядка, в то время как в странах ЦВЕ эти арены, вероятно, используются в более «традиционных» целях для воспроизводства существующего порядка. Более того, совпадение

всплесков политической активности с национальными выборами может свидетельствовать о мобилизационном характере участия не только на электоральной, но и на других аренах участия.

При наличии общих характеристик конфигурации арен политического участия на посткоммунистическом пространстве есть существенные страновые различия, которые определяются не только спецификой национальной культуры и «тропой зависимости», но и контекстуальными проблемами развития отдельных государств. Так, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы востребованность арен политического участия во многом была связана с интеграцией с ЕС и вступлением в мировой финансовый кризис, что можно поэтапно проследить на основе выявления взаимозависимости динамики индексов уровня демократии и двух периодов вступления стран региона в Евросоюз (2004 г. — «Вышеградская четверка» и Словения, 2007 г. — Болгария и Румыния), а также периода развертывания кризиса. В странах Западных Балкан значительные препятствия для дальнейшей демократизации политической сферы все еще создают последствия военных конфликтов, а также коррупция, укоренившаяся в государственном аппарате, судебной системе и полиции. В то же время расширяющееся членство в ЕС стимулирует рост значимости регионального и муниципальных уровней управления и самоуправления, в том числе и в решении общенациональных проблем.

Кроме того, следует согласиться с мнением, согласно которому существуют принципиальные различия между трансформационными процессами, происходящими в странах ЦВЮВЕ и на территории бывшего Советского Союза [15]. Если в первых значительную роль при определении вектора посткоммунистической трансформации играл ценностный подход (ориентация на демократические процедуры, институты и порядки как основу ценностной системы), то во вторых — инструментальный (эффективность политической системы). В то время как в первых сформировались полицентричные (премьер-президентские и парламентские) республики, во вторых — моноцентричные (президентско-парламентские и президентские). В первых наблюдалось определенное согласие элитных и массовых групп относительно

характера преобразований, во вторых — базовый консенсус по этой проблеме отсутствовал, что обусловило большее значение в политике субъективного фактора, расхождение целей и результатов преобразований, ориентацию на тактико-политические, а не стратегические потребности [16].

Водораздел между государствами во многом совпадает с границами СССР 1939 г.: там, где коммунистический режим просуществовал на поколение меньше, новые политические элиты осознанно шли (несмотря на экономические проблемы 1990-х гг.) на поддержание демократического вектора в политике, европейскую интеграцию как консенсусный для подавляющей части элит и масс стратегический путь развития, институциональное разделение властей как механизм ограничения власти лидеров бархатных революций. Показателен в этом плане следующий факт: в государствах к Западу от границ СССР 1939 г. значения индекса формы правления (ИФП), представляющего собой разность между индексами полномочий президента и парламента в системах с всенародно избираемым президентом, варьируются в диапазоне от 0,66 (в Польше) до 0,84 (в Латвии) с медианой около 0,75. Из государств к Востоку от этой границы близкими показателями индекса обладают только Молдавия и Монголия, минимум (менее 0,3) наблюдается в Белоруссии и Узбекистане, в остальных случаях ИФП равняется 0,4–0,5 [17].

Приведенные данные свидетельствуют не только о дифференциации процессов посткоммунистических трансформаций в странах ЦВЮВЕ и бывшего Советского Союза, но и о различной динамике политико-режимных изменений в постсоветских республиках. После распада СССР эти страны демонстрировали широкий спектр вариантов политического развития, что нашло отражение как в траектории, так и результатах смены режимов. Так, в прибалтийских государствах оформление демократических процедур осуществлялось относительно легко. При этом наиболее успешный случай консолидации демократии демонстрирует Литва, хотя многие проблемы в политико-символической сфере здесь не разрешены окончательно. В Эстонии и Латвии сформировались полудемократические режимы, имеющие неинклюзивный характер:

русскоязычное население, составляющее значительную часть этих государств, не имеет гражданства и политических прав, в результате ортодоксальные формы политического участия оказываются для них недоступными. В отличие от стран Восточной Европы и Балтии, которые оказались включенными в западноевропейскую политико-европейскую систему, в большинстве случаев не имея собственных необходимых ресурсов, получали их от Запада в обмен на лояльность, для славянских государств, входящих в состав СНГ (Молдавия, Белоруссия, Украина, Россия), «европейский вектор» (ориентация на интеграцию в пространство Запада / Большой Европы) носил скорее характер абстрактной цели, а не конкретной политической программы, что привело к предельной поляризации по вопросам реформ и политическим кризисам (при этом в Белоруссии достаточно быстро эта проблема отошла на второй план в связи с доминированием авторитарных тенденций и становлением слабо институционализированного персоналистского режима). В центрально-азиатской части постсоветского пространства культурно-исторические традиции обусловили выбор в пользу режимов, носящих преимущественно авторитарный характер. При этом в двух государствах легальная политическая оппозиция практически отсутствует: жесткий вариант в Туркменистане, где не соблюдаются даже формальные демократические процедуры, и более мягкий и лишенный культа личности в Узбекистане. Таджикистан, прошедший через гражданскую войну, остается наиболее плюралистическим из всех центральноазиатских республик, что обусловлено угрозой возобновления военных действий в случае ужесточения режима. В Закавказье становление авторитарных политических режимов сопровождалось этническими конфликтами, долгосрочным нарушением государственной

целостности и государственными переворотами (в ряде случаев, как например, в Грузии и Азербайджане — в чистом виде, в некоторых, как в Армении — в скрытом). При этом если в странах Балтии, Узбекистане и Туркменистане дальнейшие изменения политических режимов в обозримом будущем маловероятны, то некоторые постсоветские страны испытали смены режимов, подобные колебаниям маятника. Также показательны случаи, когда массовые выступления повторяются регулярно и во время (или по причине) выборов, что указывает на неспособность выборов канализировать существующий уровень массового участия. А сохраняющийся высокий уровень потенциальной готовности к политическим действиям в неконвенциональных формах в межэлекторальный период указывает на разрыв между политической институционализацией и политическим участием массовых групп [18].

Таким образом, в качестве основных факторов, определяющих характер трансформационных процессов в постсоветских республиках, следует выделить, с одной стороны, наследие прошлого, которое на начальном этапе определяет стимулы и ограничения действий акторов и совокупность ресурсов, доступных для мобилизации в процессе смены режимов, а с другой — структуру элит, распределение ресурсов между ними, степень их ориентации на европейский стиль поведения, эффекты институтов, в том числе силу президентской власти и уровень партизации политического процесса, неопределенность как результатов действий акторов, так и состояния окружающей среды, изменение которых ведет к конъюнктурным инверсиям. В результате, наряду с общими тенденциями развития политического участия в государствах бывшего СССР, наблюдаются достаточно серьезные различия в формируемых национальных моделях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации: наброски к теории // *Общественные науки и современность*. 2001. № 1. С. 55–69.
2. Сморгун Л.В. Постсоциализм и государство: мобилизация против координации // *ПОЛИТЭКС*. 2013. Т. 9. № 2. С. 62–70.
3. Бродовская Е.В. Политическая система современной России. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007.
4. Вайнштейн Г.И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // *Политические институты на рубеже тысячелетий*. Дубна: ООО «Феникс+», 2001. С. 154–155.
5. Митяева Л.Д. Особенности консолидации демократии в странах Центральной и Восточной Европы.

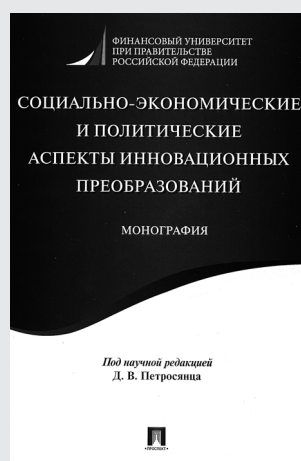
- Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (круглый стол) // Полис. 1999. № 3. С. 49.
6. Яхимович З.П. Факторы влияния на демократизацию коммунистических режимов. Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов (круглый стол) // Полис. 1999. № 3. С. 45.
 7. Игошин И.Н. Институциональные искажения в российском обществе. М.: Директмедиа Паблишинг; Кнорус, 2003.
 8. Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 5–27.
 9. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экон. школа, 1998.
 10. Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян; Ин-т социологии РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
 11. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
 12. Letki N. Trust, Membership, and Democratization in East-Central Europe // Political Research Quarterly, 2004, vol. 57, p. 665.
 13. Pacek A., Pop-Eleches G., Tucker J. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries // The Journal of Politics, 2009, pp. 473–491.
 14. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах: пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
 15. Макаренко Б.И. «Цветные революции» в контексте демократического транзита // Мир перемен. 2005. № 3. С. 107–125.
 16. Aslund A. Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
 17. Королев П.А. Демократические транзиты на посткоммунистическом пространстве: взаимообусловленность внутренних и внешних факторов. Тула: изд-во ТулГУ, 2013.
 18. Завадская М.А. Выборы в Центральной и Восточной Европе: фактор дестабилизации? // ПОЛИТЭКС. 2010. № 3.

REFERENCES

1. Gel'man V. The post-Soviet political transformation: the outline of a theory [Postsovetskie politicheskie transformacii nabroski k teorii]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' — Social sciences and the present*, 2001, no. 1, pp. 55–69 (in Russian).
2. Smorgunov L. V. Postsocialism and the state: mobilization against coordination [Postsocializm i gosudarstvo mobilizaciya protiv koordinacii]. *POLITEHKS — POLITEKS*, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 62–70 (in Russian).
3. Brodovskaja E. V. The political system of modern Russia [Politicheskaya sistema sovremennoj Rossii]. Tula, 2007 (in Russian).
4. Vajnshtejn G. I. Patterns and problems of post-communist transformations [Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformacij]. *Politicheskie instituty na rubezhe tysjacheletij — Political institutes at a turn of the millennia*. Dubna, 2001, pp. 154–155 (in Russian).
5. Mitjaeva L. D. Features of the consolidation of democracy in the countries of Central and Eastern Europe. Democratic transitions: options and ways to uncertainty of the result [Osobennosti konsolidacii demokratii v stranah Centralnoj i Vostochnoj Evropy. Demokraticheskie perekhody: varianty putej i neopredelennost rezultatov (kruglyj stol)] // *Polis*, 1999, no. 3, p. 49 (in Russian).
6. Jahimovich Z. P. Factors of influence on the democratization of communist regimes. Democratic transitions: options and ways uncertainty of results [Faktory vliyaniya na demokratizaciyu kommunisticheskikh rezhimov. Demokraticheskie perekhody: varianty putej i neopredelennost rezultatov (kruglyj stol)]. *Polis*, 1999, no. 3, p. 45 (in Russian).

7. Igoshin I.N. Institutional distortions in the Russian society [Institucionalnye iskazheniya v rossijskom obshchestve]. Moscow, 2003 (in Russian).
8. Kuz'minov Ja., Radaev V., Jakovlev A., Jasin E. The institutions from borrowing to grow (the experience of Russian reforms and the possibility of institutional change of culture) [Instituty: ot zaimstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossijskikh reform i vozmozhnosti kultivirovaniya institucionalnykh izmenenij)]. *Voprosy jekonomiki — Economy Questions*, 2005, no. 5, pp. 5–27 (in Russian).
9. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms [Institucionalnye lovushki i ehkonomicheskie reformy]. Moscow, 1998 (in Russian).
10. Modernization and politics in the XXI century [Modernizaciya i politika v XXI veke] / by Ju. S. Oganis'jan. Moscow, 2011 (in Russian).
11. Citizens and political practices in modern Russia: the reproduction and transformation of the institutional order [Grazhdane i politicheskie praktiki v sovremennoj Rossii: vosproizvodstvo i transformaciya institucionalnogo poryadka] / S.V. Patrushev (otv. red.), S.G. Ajvazova, P.V. Panov. Moscow, 2011 (in Russian).
12. Letki N. Trust, Membership, and Democratization in East-Central Europe. *Political Research Quarterly*, 2004, vol. 57, p. 665.
13. Pacek A., Pop-Eleches G., Tucker J. Disenchanted or Discerning: Voter Turnout in Post-Communist Countries. *The Journal of Politics*, 2009, pp. 473–491.
14. Hantington S. Political Order in Changing Societies [Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvakh]. Moscow, 2004 (in Russian).
15. Makarenko B.I. The “color revolutions” in the context of democratic transition [«Cvetnye revolyucii» v kontekste demokraticeskogo tranzita]. *Mir peremen — The World of changes*, 2005, no. 3, pp. 107–125 (in Russian).
16. Aslund A. Building capitalism: the transformation of the former Soviet bloc. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 508 p.
17. Korolev P.A. Democratic transition in the post-Communist space: interdependence of internal and external factors [Demokraticheskie tranzity na postkommunisticheskom prostranstve: vzaimoobuslovlennost vnutrennih i vnesnih faktorov]. Tula, 2013 (in Russian).
18. Zavadskaia M.A. Elections in Central and Eastern Europe: the destabilization factor? [Vybory v Centralnoj i Vostochnoj Evrope: faktor destabilizacii?]. *POLITEHKS — POLITEKS*, 2010, no. 3 (in Russian).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Социально-экономические и политические аспекты инновационных преобразований: монография / под науч. ред. Д. В. Петросянца. — М.: Проспект, 2017. — 144 с.

ISBN 978-5-392-23855-2

В монографии с позиций системного подхода рассмотрены теоретико-методологические основы формирования и реализации в Российской Федерации стратегии модернизационно-инновационного прорыва в экономико-политико-социальной сфере.

Авторы исследуют предпосылки перехода к инновационной парадигме развития в стране в целом и ее регионах через призму согласования интересов элит/местных элит и всего социума. Развивающаяся «атомизация» страт в современном российском обществе предопределяет разноректорные направления их приоритетов, которые накладываются на матрицу турбулентности современной мировой экономики, целый ряд военных конфликтов вблизи российской столицы, санкционную конфронтацию в отношениях с США и прикнущенными к ним государствами, цивилизационные национальные и конфессиональные разногласия и т.п. Все это подталкивает исследователей к поиску новых путей и методов эффективного и оптимального выстраивания национальной инновационной системы.

Для специалистов региональных органов управления, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений, обучающихся по политологическим, экономическим, социологическим, обществоведческим специальностям, преподавателей и аспирантов, а также для всех, кто интересуется процессами системной трансформации современного российского общества. При подготовке монографии были использованы результаты исследований, выполненных авторским коллективом при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-02-00080а «Модель регионального инновационного кластера в условиях неопределенности рынка, особенностей экономической и социальной политики государства»).